

МРНТИ 16.21.27

Э.Д. Сулейменова

Доктор филологических наук, профессор
Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Казахстан, Алматы

ЯЗЫКОВАЯ ТРАНСМИССИЯ И КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы межпоколенной и внутрипоколенной передачи казахского языка. Раскрывается сущность понятия «родной язык» и его связь с языковой идентичностью на примере казахов-респондентов.

Ключевые слова: язык, языковая коммуникация, языковая идентичность, родной язык

Э.Д. Сүлейменова

Филология ғылымдарының докторы, профессор
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан, Алматы

ТІЛДІК ТРАНСМИССИЯ ЖӘНЕ ҚАЗАҚ ТІЛІ

Аннотация. Мақалада қазақ тілінің ұрпақаралық және ұрпақішілік берілу мәселелері қарастырылады, сондай-ақ «ана тілі» ұғымының мәні және оның тілдік сәйкестілікке қатынасы қазақ тілді респонденттер мысалында ашып көрсетіледі.

Тірек сөздер: тіл, тілдік қатынас, тілдік сәйкестілік, ана тілі.

E.D. Suleimenova

Philology ylymdaryn doctors, professor
Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty

LANGUAGE TRANSMISSION AND KAZAKH LANGUAGE

Annotation. The problems of intergeneration and intrageneration transmission of the Kazakh language have been considered in the article. The meaning of the concept «the native language» and its correlation with language identity by the example of the Kazakhs-respondents has been revealed.

Keywords: language, language communication, language identity, mother tongue.

Введение

Смена поколений в каждом обществе происходит как одна из изначальных и естественных предпосылок его существования, при этом сами поколения – относительно самостоятельные образования – обеспечивают непрерывную передачу (трансмиссию) языка и культуры как по горизонтали в пределах одного поколения, так и по вертикали из предшествующих поколений.

Непрерывность и преемственность этого процесса может осложняться социальными, культурными, информационными и иными потрясениями, происходящими в обществе и сопровождающимися зарождением и развитием контркультуры, утратой традиционных культурных ценностей, столкновением проверенных временем и новых – более агрессивных и эффективных – способов и средств передачи и хранения информации, массовыми языковыми сдвигами, обострением конфликтов отцов и детей (так называемых разрывов связи поколений) и т.д.

Острота подобных потрясений самым непосредственным образом сказывается на духовной и идейной неоднородности и разобщенности поколений, на выборе языковых предпочтений и формировании культурных стереотипов. В этом легко убедиться, сравнив поколение казахстанцев старше 60-ти лет и ровесников независимости Казахстана – их внуков.

Формирование языковых установок первых шло в полном соответствии с политикой русификации, охватившей не одно десятилетие и тотально внедрявшейся во все сферы деятельности, образование, культуру, сферу быта и потребления... Политика русификации осуществлялась явно и скрыто, а ее механизмы и используемые административные ресурсы были весьма и весьма эффективными¹.

Напротив, поколение двадцатилетних выросло в новой стране, и в формировании их языковой компетенции отразились успехи и неудачи осуществлявшегося языкового планирования.

Языковые и культурные ценности первых оказались в некотором противоречии и противостоянии с устремлениями молодых, и традиционные связи этих двух поколений в значительной своей части оказались болезненными.

Сложность взаимоотношений поколений, в свою очередь, усиливает трудности экономической, социальной, политической, психологической, духовной интеграции казахстанского общества. Подтверждение этому можно найти в некотором изменении положения старших и отношения к ним, распространении поп-культуры, сферы потребления, унифицирующейся под действием глобализации, и т.д.

Популярной остается характеристика взаимодействия поколений М. Мид на примере различных (в том числе самых экзотичных) обществ. Человечеству, считает М. Мид, свойственно три типа межпоколенных отношений:

постфигуративные (передача знаний от старших к младшим, ориентация на традицию, на опыт предков, регламентирование взаимоотношений возрастных групп и др.),

кофигуративные (получение знаний всеми поколениями от сверстников, поколения одинаково реагируют и воспринимают технический и социальный прогресс, развивается молодежная контркультура и др.),

префигуративные (передача знаний от детей к взрослым, преимущественная ориентация на будущее, критическая оценка прошлого опыта, ломка стереотипов, возможны конфликты поколений и др.) [2].

Характеристика казахстанского общества с точки зрения названных трех типов межпоколенных отношений выглядит чрезвычайно пестрой и сложной, и эти сложности особенно явно проявляются в языковом поведении рассматриваемых поколений.

Поколение казахстанцев старше 60-ти лет реализовали советскую установку на социальную мобильность исключительно с помощью русского языка, во многом нарушив тем самым межпоколенную языковую трансмиссию, которая обеспечивала

¹ Подробно о политике русификации в СССР и Казахстане см. главу «Русификация и казахизация как языковая гомогенизация многоязычного Казахстана» [1].

сохранность традиционных постфигуративных отношений. Молодые казахстанцы, напротив, восстанавливая во многом утраченное культурное своеобразие народа, стремятся достичь успеха в обществе в первую очередь с помощью казахского языка.

Фокус и методы исследования

Каким же образом сегодня реализуются новые языковые установки и насколько эффективны мероприятия языкового планирования в осуществлении языковой трансмиссии между поколениями и внутри разных поколений? Ответ на эти вопросы можно найти в моделях и особенностях языкового поведения и языковых приоритетов, характеризующих разные фрагменты языковой ситуации, и их описание можно осуществлять с помощью разных методов.

В настоящей статье представлено понимание сложнейшего феномена «родной язык» и излагаются теоретические подходы к обозначенной проблеме.

Исследование языковой трансмиссии имеет в настоящее время особую значимость, поскольку, во-первых, в условиях трансформирующегося и консолидирующегося казахстанского общества (восстановления государственности и национальной независимости, внутривнутриполитического развития, обновляющегося общественно-политического развития, меняющейся социальной стратификации, стратегии и тактики развития человеческого капитала, бережного сохранения толерантности и др.); во-вторых, в новых глобальных и региональных геополитических координатах (межгосударственные экономические и политические партнерские отношения, многовекторная внешняя политика, участие в международных организациях и др.).

Изучение процессов воздействия гражданской, этнической, гендерной принадлежности и возраста на передачу языка из поколения в поколение и внутри поколений осуществлялось на материале результатов массового анкетирования проектов ИНТАС «New language identity in transforming societies: Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan» (Брюссель, 2005-2008); «Этноязыковая ситуация в Республике Казахстан: настоящее и будущее» (Комитет по языкам МК РК, 2009). Обобщение теоретических и экспериментальных исследований по обозначенной проблематике было осуществлено в границах проектов «Процессы развития современных тюркских языков в евразийском полиэтническом пространстве» (НАО Тюркская академия, 2012), а также «Мемлекеттік тілдің заңдық-құқықтық негізін жетілдіру – Қазақстандағы ұлт тұтастығын сақтаудың басты шарттарының бірі» (Институт языкознания им. А. Байтұрсынова, 2013).

До настоящего времени не проводилось объемного количественного исследования социолингвистических параметров межпоколенной и внутривнутрипоколенной языковой трансмиссии, выбора языков в реальных сферах общения и моделей языкового поведения разных поколений казахстанцев. Исключение составляет диссертационное исследование, посвященное изучению межпоколенной трансмиссии казахского языка [3].

Корреляции паттернов² межпоколенной и внутривнутрипоколенной языковой трансмиссии с гражданской, этнической, возрастной, гендерной идентичностью казахстанцев изучались методами количественного социолингвистического анализа, оправдавшими себя в многочисленных исследованиях, имеющих выход в теорию и практику языковой политики [4; 5; 1; 6 и др.]. Для регистрации и статистического подсчета данных социолингвистического анкетирования использовалась компьютерная программа SPSS.

² Паттерн – от англ. Pattern образец, шаблон. Термин используется одновременно в нескольких науках, ближе всего для лингвистики понимание паттернов в психологии. Данное понятие позволяет интерпретировать паттерны языкового поведения как набор устойчивых поведенческих реакций (действий) или последовательностей реакций (действий), принадлежащих одному классу респондентов.

Фокусом при извлечении материала послужили ответы на вопросы 1, 2, 3, 4, 7, 11, 13, 21, 25, 27 анкеты, созданной в рамках указанных проектов. Они помогли получить информацию о возрасте, гендерной принадлежности, национальности (самого респондента, его отца и матери), гражданской принадлежности к Казахстану (полностью считаю, в значительной степени считаю, не считаю, затрудняюсь ответить), месте проживания, родном языке, использовании (всегда, часто, редко, никогда) родного языка между родителями и дедушками/бабушками респондента, отцом и матерью, респондентом и дедушками/бабушками, матерью и детьми, отцом и детьми, респондентом и братьями/сестрами.

Было введено ограничение при отборе анкет: для анализа были использованы лишь анкеты респондентов из семей представителей титульной нации Казахстана. Такое ограничение было связано с тем, что именно прерывистость и неравномерность межпоколенной языковой трансмиссии в высокой степени свойственна казахам.

Первое. Основанием для отбора анкет из общей выборки прежде всего послужила этническая идентификация респондентов: 1217 анкетуемых идентифицировали себя как казахи, 12 респондентов воздержались от ответа на данный вопрос (однако их отцы и матери по национальности являются казахами, что послужило основанием отнести их к анализируемой группе). Общее число анкет, подвергнутых анализу, составило 1229. Следует отметить, что в число анкетуемых вошли респонденты из смешанных семей. Очень важным поэтому оказывается выбор родного языка этими респондентами и характер межпоколенной языковой трансмиссии в этих семьях. Интересно было проследить процессы передачи языка из поколения в поколение в семьях 12 респондентов, не указавших свою национальность, отцы и/или матери которых, однако, по национальности являются казахами.

Второе. Были проанализированы данные 1229 анкет, заполненных респондентами-казахами, проживающими в Южно-Казахстанской, Северо-Казахстанской, Восточно-Казахстанской, Западно-Казахстанской областях и др. Непропорциональная представленность разных регионов (несмотря на его исключительную важность) заставила, к сожалению, полностью исключить из анализа данный параметр.

Третье. Из анализа был исключен и другой важнейший параметр: проживание респондентов в городе или селе. Сильные внутренние миграционные процессы по направлению *село - город*, происходящие в последние годы, в значительной мере сказались на ответах респондентов и сделали этот параметр не вполне пригодным для анализа. Для поиска корреляций паттернов межпоколенной и внутривнутрипоколенной трансмиссии казахского языка и места проживания респондента (город – село) оказались необходимы дополнительные исследования. Естественно, что именно село является необходимым и исключительным по важности источником «энергетической подпитки» казахского языка как в отношении его передачи между поколениями, так и использования внутри старших и младших поколений. Учитывая это, планируется осуществить дополнительные исследования паттернов языковой трансмиссии в этом направлении.

Введенные ограничения позволили тем не менее провести достаточно подробный квантитативный корреляционный анализ паттернов межпоколенной и внутривнутрипоколенной казахской языковой трансмиссии по отношению к гражданской, этнической, гендерной, возрастной идентичности.

Еще раз о родном языке.

Понятие родного языка продолжает широко использоваться и в науке, и в обиходном употреблении, несмотря на его противоречивое толкование. Вопрос о родном

языке включается в опросные листы переписей населения, разнообразные анкеты и вопросники социолингвистических полевых исследований, поскольку считается, что любой человек в состоянии оперировать этим понятием.

При исследовании языковой трансмиссии следует выделить два аспекта понятия родной язык [7, 21]:

Родной язык – это язык, усваиваемый ребенком в раннем детстве бессознательно (без обучения), путем подражания речи взрослых, и навыки использования которого могут сохраняться или утрачиваться взрослым человеком.

Родной язык – это язык идентификации с этносом.

В первом понимании родной язык в языковой биографии индивида может быть первым (первый язык), или вторым (второй язык); может быть или не быть языком матери (материнский язык), может быть или не быть языком отца / дедушки / бабушки и т.д. Родной язык связывает индивида с предыдущими поколениями, всегда оставаясь основным средством межпоколенной и внутривнутрипоколенной языковой трансмиссии.

Во втором понимании родной язык оказывается «этническим языком» [8]. Родной язык при такой интерпретации может совпадать или не совпадать с этнической идентификацией индивида (этнонимом). Однако, и в том, и в другом случае родной язык остается базовой составляющей культурного и духовного единства с этносом и составляет основу как межпоколенной, так и внутривнутрипоколенной языковой трансмиссии каждого поколения.

Исключительная роль родного языка отчетливо осознается при взгляде на него как хранилище культуры, знаний об окружающем мире и месте человека в нем, накопленного жизненного опыта и традиций, – всего того, что так ценит человек и стремится бережно сохранить для потомков и передать следующим поколениям. Все вместе усиливает роль и значение родного языка уже в качестве главного символа этнической идентичности и действенного орудия сохранения самого этноса и его культуры.

Передача языка от поколения к поколению является первым и важнейшим признаком его витальности. Согласно дефинициям Атласа языков мира в опасности [9], ступени исчезновения языка определяются следующим образом:

Если большинство детей владеет языком, но его использование ограничено, например, рамками семьи, то язык относится к группе риска (vulnerable).

Если дети не могут овладеть языком в семье, не учат его как родной, то существует опасность его исчезновения (definitely endangered).

Если поколение дедушек и бабушек говорит на языке, поколение родителей еще понимает его, но не общается на нем между собой и детьми, то языку угрожает серьезная опасность (severely endangered) исчезновения.

Если поколение дедушек и бабушек – это самые молодые носители языка, владение языком неполное, использование редкое, то язык находится в критическом положении (critically endangered).

Если нет носителей языка, то язык исчез (extinct).

Казахский язык и его участие в языковой трансмиссии

К сожалению, большая часть сформулированных ЮНЕСКО условий еще совсем недавно в определенной части соответствовала состоянию казахского языка в крупных и малых городах страны. Казахское общество за неполные сто лет испытало сильнейшие катаклизмы, которые сказались на функционировании казахского языка и в межпоколенном, и во внутривнутрипоколенном общении. В стремлении выжить и улучшить свое положение в обществе часть городских казахов какое-то время даже не ставила перед собой задачу сохранить и передать родной язык детям и внукам.

Языком власти, образования, науки, армии, идеологии, сферы обслуживания, транспорта, медицины и т.д. – иначе говоря, языком большинства и языком выживания в городах и даже в некоторых аулах стал русский язык, который подменил собой родной язык.

Бабушки на ночь внукам стали рассказывать не «Ер төстік», а «Колобок» и «Машу и медведь»...

Советские стандарты жизни и советское стремление быть, как все, в детских садах, школах, летних пионерских лагерях, армии, вузе быстро делали свое дело – и русский язык стал повсеместным.

Трудно было найти не только в городе, но и в казахских аулах человека, который бы в той или иной степени не знал русский язык.

И так же трудно стало найти в государственных учреждениях или вузах человека, который мог бы составить документ (от заявления о приеме на работу до годового отчета о работе предприятия) на казахском языке.

Еще труднее было найти книгу сказок на казахском языке...

Казахское народно-поэтическое творчество, мифология, метафоры и весь образный ряд оказались недоступны части двух-трех поколений казахов, выросших в стихии русского языка. Практически невостребованными оказались и языковые умения в казахском официально-деловом, научном, медицинском, публичном (в том числе и масс-медиа) дискурсе.

Так для части казахов прервалась связь поколений, и родной казахский язык утратил для них свою исключительную роль связи народа во времени, а этническая идентификация стала осуществляться без родного языка. Основным языком общения в такой городской семье стал русский язык, и межпоколенная языковая трансмиссия оказалась раздробленной, а в значительной своей доле безнадежно разорванной.

Среди части городских казахов появились поколения, не вписывающиеся в традиционные отношения, когда знания передавались на казахском языке от старших к младшим, когда отношения между поколениями регламентировались строгими традициями и установленным порядком, когда опыт предков был главным авторитетом.

Стали болезненно стираться постфигуративные отношения, к которым так сильно тяготело казахское общество.

Казахское общество всегда стремилось сохранить традиции и воспроизводить их в нормах и образцах, освященных прошлым. Отсюда, например, столь высоко ценимое в казахском дискурсе использование пословиц и поговорок, отсылающих к неоспоримому опыту предков и этическим стандартам предыдущих поколений. Так всегда формировалось самосознание народа и так же укреплялась его жизнеспособность. Однако, постфигуративные отношения стали стираться, и казахский язык для части городских казахов перестал быть средством межпоколенной трансмиссии.

Внуки перестали понимать язык дедушек и бабушек, а, став родителями, а затем – уже сегодня – шестидесятилетними-семидесятилетними-восьмидесятилетними дедушками и бабушками, сами оказались неспособными передавать далее собственный, накопленный с помощью неродного – русского – языка опыт и свои знания, которые к тому же стали не такими уж и нужными.

Во-первых, сегодня кардинально изменились соотношения между казахским и русским языком: казахский язык, став государственным языком страны, стал уверенно занимать позиции, соответствующие данному статусу в регулируемых сферах общения (делопроизводстве, образовании, сфере обслуживания и др.).

Во-вторых, в обществе сформировалась четкая уверенность в том, что только казахский язык может обеспечить социальное продвижение. Казахскому языку стали обучать детей и внуков даже в тех семьях, где основным языком общения оставался русский язык.

Так появилось поколение внуков и правнуков, которые не могут обратиться к своим дедушкам и бабушкам, а также родителям за помощью при выполнении уроков в казахской школе...

Напротив, сами внуки теперь могут читать и пересказывать казахские сказки дедушкам и бабушкам, а те вспоминать забытое или усваивать новое. Так стали формироваться префигуративные отношения и создаваться новые, уже казахские, формы языкового поведения у поколений, выросших в условиях русификации. Поколение, сформировавшееся в советское время, опять оказалось в трудном положении: надо учиться у внуков, критически оценивая или отказываясь от прошлого русского языкового опыта.

В городских семьях продолжались поддерживаемые культурной памятью традиции поддержки родственных отношений независимо от степени владения казахским языком – казахская этническая и родственная идентичность выдвигалась на первый план и оказывалась сильнее языковой идентичности. Практически в каждой городской или сельской казахской семье можно найти родственников в разной степени владеющих родным языком. Противопоставление по степени владения казахским языком существовало в разных поколениях одной семьи. В советское время оно было, пожалуй, снисходительным, сегодня обострилось и стало одним из действенных способов воздействия на языковое поведение.

Пожалуй, наиболее прочной и поддерживающей казахскую языковую трансмиссию между поколениями оказалась национально-ориентированная информация, сопровождающая многочисленные обряды, традиции, семейные праздники (тұсау кесу, беташар, той бастар, қырқынан шығару и мн. др.), соблюдение которых сопровождает человека всю жизнь при смене возрастных или социальных состояний. Однако какой бы важной ни была подобная национально-культурная информация, связанная с обрядами и традициями, она одна не в состоянии полноценно осуществлять языковую трансмиссию. Передача языка от старшего поколения к младшему, использование языка в семи поколениями, безусловно, должны осуществляться в полном объеме его форм и всех функций, ведь именно язык – это специфический способ хранения и передачи культурно и социально значимой информации. Язык связывает нас с прошлым народа, и именно с помощью языка обеспечивается преемственность поколений.

Казахам всегда был присущ интерес к новостям, и ұзын құлақ до сих пор остается неизменным источником информации. Однако, сегодня новые источники информации всегда с нами: мы не расстаемся с мобильными телефонами и айпадами, а значит, постоянно слушаем и говорим, читаем и отправляем сообщения, меняя, в первую очередь, традиционные представления о времени и пространстве и нашем месте в нем.

Усилилась скорость обмена информацией и ее доступность. Независимо от времени суток и того, где находимся, мы обязаны быстро реагировать на сообщения, вынуждены получать оперативную информацию из интернета, выходить на Skype, YouTube или Twitter, участвовать во все ускоряющемся информационном процессе – мы всегда во всеоружии мобильной связи во всемирных или социальных сетях.

Казахский язык с некоторым опозданием участвует в этой информационной гонке, и новые условия его функционирования опять стали создавать помехи для межпоколенной языковой трансмиссии. Старшее поколение все больше отстает от

молодежи, которая легко и непринужденно погружается в мир интернета и свободно пользуется его всевозможными услугами.

Казахский язык активно функционирует в молодежной среде и молодежном дискурсе, впитывая и поглощая новые языковые формы и значения. Конфигуративные отношения [2] консолидируют молодое поколение, четко отделяя его от старших; старшее поколение, медленнее и консервативнее воспринимающее языковые новшества, в свою очередь, все больше отдаляется от молодых своими информационными возможностями.

К счастью, не все казахи оказались в ситуации языкового сдвига и «множественности идентичностей», «растекания идентичностей», «кризиса идентичностей», или даже всплеска «эргацидентичности» [6, 278-292], при которой функции межпоколенного и внутрипоколенного общения взял на себя функционально доминирующий русский язык.

Не стоит также думать, что все казахи, оказавшиеся в критической ситуации, в равной степени и одинаково напряженно заняты поисками языковой идентичности и ностальгией по родному языку. Тем не менее, именно в период строительства независимого Казахстана казахское большинство должно было решить для себя вопрос о родном языке, его месте и роли в гражданской и этнической идентичности. Именно в этот момент родной язык становится национальным символом, знаковым фактором реализации архетипа «мы – они» [6, 180-191].

Казахский как родной: данные о языковой идентичности респондентов-казахов

Как же отразилась сложность отношений между поколениями казахов в их представлениях о родном языке?

Обратимся к анкетам респондентов, которые определили свою этническую принадлежность, идентифицировав себя с помощью этнонима «казах», и рассмотрим распределение респондентов-казахов по родному языку.

<i>Родной язык</i>	<i>Удельный вес (%)</i>
Казахский / государственный язык	88,78
Казахский и русский языки	0,73
Русский язык	2,03
Киргизский язык	1,63
Азербайджанский язык	0,08
Дунганский язык	0,08
Узбекский язык	1,46
Затрудняюсь ответить	0,57
Воздерживаюсь от ответа	4,64

Как видим, языковая идентичность респондентов-казахов, устанавливаемая на основе прямой соотнесенности с родным языком, не столь однозначна:

– только 88,78% казахов объявили родным казахский язык (в эту группу включены ответы респондентов, добавивших в анкеты запись «государственный язык»);

– расплывчатая языковая идентификация зафиксирована у 5,94% респондентов (категории «родной язык – казахский и русский»; «затрудняюсь ответить», «воздерживаюсь от ответа»);

– 2,03% респондентов-казахов связывают свою языковую идентичность с русским языком;

– остальные 3,25% респондентов из смешанных семей, относя себя к казахам, родным языком считают язык матери или отца.

Полученные данные можно сравнить, например, с теми, которые приводятся в источниках по казахской ирреденте, проживающей в Тюменской или Оренбургской областях Российской Федерации. К.А. Моргунов, рассматривая связь родного языка и этнической идентификации казахов Оренбургской области, приводит следующие цифры [10]:

Если в 1970 г. казахский язык назвали родным 95,2% казахов Оренбургской области, в 1979 г. – 94,2%, то в 1989 г. только 91,2%.

Даже если отвлечься от того, что рассматриваемые показатели казахов, проживающих в Оренбургской области, снижаются, можно легко заметить, что они превышают аналогичные показатели казахов, проживающих в самой стране.

Безусловно, подобны крайне противоречивые отношения между национальностью как атрибутом личной и этнической идентичности и родным языком – это сигнал о сложностях передачи языка от поколения к поколению, конкретнее, о возникшем и сохраняющемся сбое важнейшей функции казахского языка – быть средством связи и консолидации поколений.

Такое положение складывалось постепенно в связи с приоритетами советской языковой политики, агрессивным распространением русского языка и изменением языковых установок старших поколений. В казахском обществе продолжает оставаться ощутимым присутствие поколений казахов, не усвоивших по той или иной причине казахский язык и оказавшихся, в свою очередь, не способными передать его своим детям.

Как это происходит на самом деле? Ответить на этот вопрос поможет рассмотрение корреляций между участием родного языка в языковой трансмиссии, с одной стороны, и гражданской, этнической, возрастной и гендерной идентичности, с другой.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

[1] Сулейменова Э.Д. Языковые процессы и политика – Алматы: Казак университеті, 2011.

[2] Мид М. Культура и мир детства. – Москва, 1988.

[3] Қойшыбаева Г.С. Ұрпақаралық тілдік трансмиссияның квантитативтік параметрлері – Дисс. канд. филол. наук – Алматы: КазНУ им. аль-Фараби, 2010.

[4] Сулейменова Э.Д., Смагулова Ж.С. Языковая ситуация и языковое планирование в Казахстане – Алматы: Казак университеті, 2005.

[5] Сулейменова Э.Д., Акберди М.И., Ибраева Ж.К., Алтынбекова О.Б., Мадиева Г.Б. Динамика языковой ситуации в Казахстане – Ответ. ред. Э.Д. Сулейменова – Алматы: Казак университеті, 2010.

[6] Сулейменова Э.Д. Макросоциоллингвистика. – Алматы: Казак университеті, 2011.

[7] Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Смагулова Ж.С., Аканова Д.Х. Элеуметтік лингвистика терминдерінің сөздігі. Словарь социоллингвистических терминов. – Алматы: Арман-ПВ, 2008.

[8] Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. – Москва, 2001.

[9] Atlas of the World's Languages in Danger. UNESCO <http://www.unesco.org/culture/languages-atlas>

[10] Моргунов К.А. Родной язык и этническая идентификация населения Оренбургской области во второй половине XX – начале XXI вв. 2012 <http://ethnosocium.ru/morgunov-k-a-rodnoi-yazyk-i-etnicheskaya-identifikatsiya-naseleniya>